

EDN: NAYLAC

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Modern Legal Studies: Unity in Diversity

Основной темой настоящего номера была избрана постклассическая юриспруденция, в которую входят разнообразные постклассические правовые исследования: постклассические теория, философия и антропология права, постклассические культуральные исследования, постклассическая юридическая наука.

Постклассические правовые исследования представляют собой новый этап развития российского правового знания, которое, в отличие от классической философии права и постсоветской правовой теории, претендует на более высокую степень адаптации к современным научным, социальным и технологическим вызовам, что позволяет тем, кто использует эту методологию и основополагающие идеи, находить эффективные практико-ориентированные правовые ответы на возникающие проблемы совместного существования людей. Специфика такого подхода к пониманию права раскрывается во многих статьях этого журнального номера, начиная с заглавной публикации И. Л. Честнова «Состояние и перспективы постклассических исследований права».

Нельзя не согласиться с одним из тезисов профессора Честнова о том, что на сегодняшний день правоведы, занимающиеся постклассическими исследованиями права, не представляют собой единой школы. Есть то, что их объединяет и делает единомышленниками в главном, но есть и такие второстепенные проблемы, которые ими решаются по-разному. Поэтому и я, будучи одним из инициаторов таких исследований и приглашенным редактором номера, буду излагать свою точку зрения на некоторые рассматриваемые в настоящих публикациях вопросы, а это означает, что моя точка зрения в чем-то может не совпадать с идеями моих коллег, а тем более — с позициями читателей.

Преимущество постклассического правопонимания перед классическим или даже традиционным взглядом на право и на его роль в жизни общества заключается, на мой взгляд, в том, что оно позволяет увидеть в праве то, что было ранее недоступно другим исследователям, или, если даже было доступно, не получало должного научного и философского объяснения. Мне представляется, что одной из важнейших проблем здесь является проблема нахождения в праве универсального (в онтологическом и аксиологическом смысле) и партикулярного (релятивного, исторически изменчивого), а также установление между ними определенных соотношений. Отказ от решения этой проблемы (или неумение ее решить) в рамках классической юриспруденции приводил или к радикальному идеализму, когда право отождествлялось с абстрактными моральными универсалиями, которые именовались добром, должным, справедливостью, совестью и т. д., но эти универсалии не имели связи с реальностью, как не имели убедительного философского или научного обоснования (классические школы естественного права), или к не менее радикальному релятивизму в понимании права, когда правом признавалось чуть ли не всё,



Андрей Васильевич Поляков, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации

что реально происходило в человеческих коммуникациях с той или другой степенью принудительной регулярности (различные вариации позитивизма).

Первые и достаточно перспективные варианты решения этой дилеммы были очерчены в двух российских дореволюционных школах права: в идеалистической Московской школе философии права П. И. Новгородцева, возрождавшей идеи естественного права на новой метафизической и одновременно реалистической основе, и в Петербургской психологической (реалистической, научной) школе философии права Л. И. Петражицкого, где универсализм только искал свой путь к праву. Интегрирование идей этих школ способно удовлетворить запрос, имеющий место и у многих современных авторов номера, на то, чтобы российское правоведение опиралось на собственные традиции (хотя эти собственные традиции, как хорошо известно, рождались из диалога с традициями западными). Именно поэтому можно согласиться с тем, что начало становления российского неклассического правоведения, как первого этапа формирования постклассических правовых исследований в России, можно отнести к рубежу XIX и XX веков.

Сегодня, на следующем этапе развития постклассических правовых исследований, мы можем опираться не только на новейшие идеи в мире философии, но и на открытия современной науки, показывающие наличие тесной связи между формированием жизненного мира человека и его эволюционным прошлым в единстве с культурным настоящим; мы можем ссылаться на социологические, антропологические, лингвистические и нейронаучные данные, позволяющие понять ценностный мир человека, его способы целеполагания и зависимость от права как экзистенциальной потребности в самоопределении для совместного бытия с другими. В более прикладном аспекте постклассическая методология позволяет осмыслить и роль права применительно к традиционным российским ценностям, которые, как было нами установлено, вне и помимо права существовать не могут.

Подобного рода конструкции правопонимания возможны только в том случае, если право понимается не как произвольный приказ власти, позволяющий нормам права иметь любое содержание, но как результат целеполагающей деятельности, направленной на обеспечение наилучших условий для совместного сосуществования людей. Выявление таких условий зависит от понимания природы человека и его способности вступать в экзистенциальную коммуникацию с другими людьми, которая обеспечивается только взаимным признанием правосубъектности участников такой коммуникации. Этим определяется первостепенное внимание, которое уделяется в постклассических правовых исследованиях человеку как основному субъекту права, конструирующему *разнообразную* правовую реальность (релятивизм и реализм), но на основе ее «человекомерности» («человекоцентричности»), т. е. на *универсальном* начале, обеспечивающем саму возможность конструирования разнообразной в культурном смысле правовой реальности. Человекомерность предполагает необходимость в каждом человеке видеть субъекта права и признавать его человеческое достоинство *в той мере*, в какой этот субъект способен признавать человеческое достоинство и правосубъектность других. Поэтому убедиться в универсальности правовой реальности через человекомерность можно только на основе экзистенциальной коммуникации, раскрывающей в людях нечто общее, связывающее их, и нечто различающее их, инаковое, обеспечивающее «единство в многообразии» (Н. В. Разумов).

Из этого вытекает и междисциплинарный характер соответствующих исследований, среди которых (помимо традиционных наук и философии) видную роль играют философская антропология, языковедение, социология, герменевтика, коммуникативистика и когнитивные нейронауки — отрасли знания, помогающие сегодня в первую очередь раскрыть феномен человека и его неразрывную связь с правом.

Представляется, что в большей или в меньшей степени, с различными вариациями, но таких начал придерживается большинство авторов, публикующих свои материалы в настоящем номере. Например, профессор И. Л. Честнов пишет в упомянутой выше статье о том, что «правовая реальность — это не данность, сотворенная когда-то кем-то, но продукт или процесс конструирования и переконструирования, всегда обусловленного множеством факторов, образующих контекст и „сопротивление структуры“ общезначимых образцов поведения индивидуумов в данном обществе, обеспечивающих как минимум

его — общества — самосохранение». Этим уже определяется минимальное целеполагание для права, которое заключается в обеспечении самосохранения общества.

Но самосохранение общества, в правовом ракурсе, обеспечивается такими отношениями между членами общества, которые дают каждому его члену гарантии самосохранения (обеспечивают право на жизнь и свободное развитие), что опять-таки невозможно без взаимного признания правосубъектности каждого, поскольку только через реализацию обязанностей по отношению к другим возможно само существование субъективных прав.

Более того, можно согласиться с тем, что оптимальными условиями человеческого самосохранения выступают такие давно известные основополагающие начала в организации совместного сосуществования, как «самоценность индивида (человекоцентризм)», уравновешенный его «ответственностью за свои действия» (а тут уже не обойтись без взаимного признания); «частная собственность, как необходимое условие индивидуальной свободы»; «принципы свободного рынка, конкуренции и предпринимательства, равенства возможностей». При этом «гарантиями указанных начал, т. е. прав и свобод человека, выступают публичные (политические) начала, как-то: самоопределение гражданского общества; формирование правового государства; разделение и взаимный контроль властей; всеобщее избирательное право» — об этом и многом другом пишет в своей статье «Основные аспекты методологии исследования прав человека в публичных отношениях» профессор В. Ф. Попондопуло, чье многогранное творчество как в области частного права, так и в сфере общей теории права хорошо известно читателям. Лежащий в основании его авторской концепции подход, опирающийся, прежде всего, на теорию человеческой деятельности Л. фон Мизеса, также по многим параметрам соразмерен постклассическим правовым исследованиям.

С подобным взглядом на постклассическую юриспруденцию согласен, судя по всему, и другой ее видный представитель, Н. В. Разуваев. Николай Викторович в своей статье «Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира» трактует историю как эволюцию человечества, направленную на максимальное осознание людьми своего духовного единства, причем это единство достигается «посредством максимальной реализации цивилизационного многообразия и одновременно путем преодоления барьеров, разделяющих цивилизации, препятствуя их взаимопониманию и диалогу». Но духовное единство, основанное на взаимопонимании и цивилизационном многообразии, как раз и отражает универсальную идею мирного сосуществования народов, каждого народа и каждого человека, без которой и государство, и право теряют свой смысл. Между тем именно в эволюции культурных феноменов, в том числе и таких, как государство и право, видит смысл мировой истории Н. В. Разуваев.

К числу основных факторов эволюционного процесса ученый относит универсализацию духовных ценностей (религиозных, нравственных, правовых, политических и иных), распространяющихся на всё более широкие сообщества людей, «внутри которых эти ценности выполняют интегрирующую функцию, сплачивая их членов в единое целое». Одновременно принятие общих ценностей служит необходимым условием взаимного признания участников культурной коммуникации в качестве равноправных и самозначимых субъектов, что предполагает, по мысли профессора Разуваева, осознание индивидами, культурами, цивилизациями уникальных особенностей друг друга. Это осознание, в свою очередь, способствует достижению человечеством того «единства в многообразии», которое выступает конечной целью исторического процесса, хотя ее достижение и возможно лишь в весьма отдаленной перспективе. Тем не менее непрерывное движение к данной цели и составляет, полагает Н. В. Разуваев, смысл мировой истории.

Согласен я и с позицией Николая Викторовича в отношении динамики так называемых «вечных» ценностей. Их бытие, с его точки зрения, только на первый взгляд кажется статичным и неизменным, но «в долгом времени они распространяют свое действие на всё более широкие массы людей, сближая и сплачивая их в ценностном отношении друг к другу и к окружающему миру». Таким образом, и здесь мы видим в новой интерпретации идею сочетания универсальных и партикулярных ценностей, идею, которую в свое время начали обсуждать сторонники «возрожденного естественного права» в России более ста лет тому назад, но которая за это время не только не утратила своей актуальности, но лишь ее увеличила.

На эти же особенности постклассического правопонимания обращает внимание в своей статье «Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: „антропологический поворот“ и формирование антропологической концепции права» и наш белорусский коллега В. И. Павлов, отмечая, что в постклассических правовых концепциях «позиция лица, субъекта права и его места в правовом познании не только учитывается, но и признается одной из главных его характеристик». И в этом аспекте ученый солидаризируется с позицией Ю. А. Веденеева, который как раз подчеркивал тот момент, что «феноменологическую теорию права, коммуникативную юриспруденцию, антропологический поворот в теории права <...> объединяет одно фундаментальное начало, а именно внимание к человеческому измерению права и государства». Поэтому, доказывает в своей публикации ученый, антрополого-правовая концепция претендует на «новый доступ к антрополого-правовой реальности, реальности действующего в праве человека». Такой подход связан с «вниманием к понятию личности в праве, переосмыслению структуры учения о действующем в праве лице, личностно-правовым свойствам человека...». Ученый подчеркивает то обстоятельство, что представители «антропологического поворота» делали акцент на понимании человека не сквозь субъективные переживания и психологизм, а посредством «экспликации определенного порядка ценностной структуры личности».

Не чужд этой тенденции и постклассический правовой реализм, который представляет на страницах журнала Е. Н. Тонков в публикации под заглавием «Концепция российского правового реализма в постклассической парадигме». В ней он признает, что правовой реализм объединяет теории естественного права и эксклюзивного позитивизма в рамках «обновленной версии социологического правопонимания» и способствует преодолению устаревшего понимания права как системы нормативно-правовых актов, изданных или одобренных государством. Идеи правовых реалистов, в интерпретации Е. Н. Тонкова, развивают «методологический плюрализм, включающий использование достижений психологии, социологии, антропологии, экономики, биологии и других наук».

Этот перечень важнейших проблем, рассматриваемых на страницах настоящего журнального номера, без труда мог бы быть продолжен, но формат вступительного слова не позволяет мне это сделать.

Читатели могут познакомиться с достаточно проблематичным взглядом на эволюцию правовой коммуникации сквозь призму формационного подхода (статья Д. В. Зыкова «Эволюция правовой мотивации к общему благу (основные формационные модели коммуникации)»).

Текст В. В. Оглезнева «Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности» раскрывает роль языка в обеспечении правовой коммуникации и конструировании правовой реальности.

Несомненный интерес вызовет у читателей и статья С. В. Виноградова «Естественно-правовое учение Лона Л. Фуллера в контексте постклассического правопонимания», в которой автор на фоне хорошего обзора аналитической философии права и ее проблем обосновывает тесную связь между учением Фуллера и идеями постклассических правовых исследований.

Функции правовой доктрины с позиции коммуникативного подхода рассматривает П. Д. Новиков («Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация»).

И. И. Осветимская анализирует те проблемные вопросы, которые подчас возникают при обсуждении самой коммуникативной теории права («Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов»), Р. С. Рааб представляет свой, далеко не бесспорный, вариант развития коммуникативного подхода («Право: коммуникация или автокоммуникация?»), а Е. Л. Поцелуев разбирает коммуникативный подход к праву нашего канадского коллеги Б. Мелкевика («„Четыре могилы современной философии права“: рефлексия на взгляды Бярна Мелкевика»).

Весомым дополнением к упомянутым выше публикациям будет впервые представляемая российским читателям переводная статья немецкого правоведа, весьма близкого к постклассическому правоведению, Фридриха Мюллера. Желаю всем интересного чтения!